Александр Александрович Малиновский (Богданов)

Рудольф Баландин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Его имя мало кто знает, хотя весьма популярны и прославлены имена Винера и Берталанфи, развивавших его идеи.

- Рудольф Баландин
  - СМЕРТЬ ГЕРОИЧЕСКАЯ И ЗАГАДОЧНАЯ
  - НАПЕРЕКОР ТЕОРИИ
  - У ИСТОКОВ ДВУХ НАУК
  - ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Рудольф Баландин
Александр Александрович Малиновский (Богданов)

СМЕРТЬ ГЕРОИЧЕСКАЯ И ЗАГАДОЧНАЯ

Седьмого апреля 1928 года скончался в Москве директор и основатель Института переливания крови Александр Александрович Богданов. Причина смерти до сих пор остается загадкой. Известно лишь, что в конце марта он проводил очередной опыт по обменному переливанию крови. Это был его двенадцатый эксперимент на себе. Ему «перекачали» почти литр крови, после чего его состояние резко ухудшилось. Две недели Богданов тяжело болел. Умер от «уремического отравления», как гласило заключение врачей. О том, что Богданов был человеком замечательным, писали все, даже его идейные враги. Православный философ Василий Зеньковский отмечал: «В блужданиях неомарксизма за Богдановым остается ряд подлинных и серьезных заслуг — он до конца своих дней остался СВОБОДНЫМ мыслителем, ни в чем никогда не стесняющим чужой мысли». Николай Бердяев, лично знавший Александра Александровича по вологодской ссылке, дал такую характеристику: «А. Богданов был очень хороший человек, очень искренний и беззаветно преданный идее». В библиотеке Богданова осталась книга Сергея Есенина «Преображение» с дарственной надписью: «А. Богданову. Без любви, но с уважением. С ненавистью, но с восхищением. Без приемлемости индустрии». Учтем, что до Октябрьского переворота 1917 года Богданов был активным социал-демократом, примкнул к большевикам, неоднократно избирался в ЦК партии, дружил с В. И. Лениным… Тем неожиданней прозвучала версия его сына, известного советского генетика А. А. Малиновского (Богданов псевдоним), высказанная мне в личной беседе: «Моего отца отравила сотрудница института, которая участвовала в эксперименте». В то время, 15 лет назад, я не принял всерьез такую версию. Но с годами она перестала казаться невероятной: ведь Богданов проводил обмен кровью со студентом Колдамасовым, который после эксперимента поспешно покинул Институт, дожил до преклонного возраста и умер в Новосибирске в 1978 году. Странно, что из двух участников кровообмена один даже не заболел, а второй умер. И погиб именно тот, кого резко критиковали Ленин, а затем Троцкий, Бухарин, Деборин… Конечно, вовсе не обязательно подозревать ОГПУ в организации покушения на его жизнь. Внушаемые люди могут невольно, на подсознательном уровне, осуществить то, в чем не смогут

признаться даже себе, совершить как бы оплошность, ведущую к желанной, хотя и не осознанной цели. К сожалению, подробного описания опыта, приведшего к смерти Богданова, мне обнаружить не удалось. Но, пожалуй, криминальный аспект в данном случае и не имеет принципиального значения. Самое главное: со смертью Богданова пресеклись необычайно плодотворные идеи. Сторонники его взглядов в нашей стране затаились, а противники ошельмовали или замолчали его достижения. Некоторые зарубежные ученые без зазрения совести воспользовались этим для того, чтобы присвоить лавры первооткрывателей в новых науках, у истоков которых стоял Богданов.

НАПЕРЕКОР ТЕОРИИ

Вторую половину нашего века СССР, а затем Россия строили экономику и народное хозяйство по антибогдановским принципам. К чему это привело, свидетельствует небывалый даже в сравнении с Отечественной войной упадок производства, демографический и экологический кризисы, обостряющиеся социальные конфликты. А. Богданов убедительно доказывал, что организация общества должна соответствовать конкретной международной и внутригосударственной ситуации. «Федеративная структура выгодна при благоприятных жизненных условиях… „централистическая“ — при неблагоприятных… В первом случае автономия частей позволяет им лучше развиваться, полнее использовать поток энергии, доставляемый средою, социальной и природною; во втором их связи, более прочные и тесные, дольше удерживаются против разрушительных влияний». Так утверждал Богданов. Наши же теоретики и практики поступили как раз наоборот. И результаты, как говорится, налицо. Другая нынешняя ставка в экономике — на индивидуальные интересы. Об этом Богданов писал вполне определенно: «Та внутриобщественная борьба, в которой индивидуалист — единственный и, безусловно, необходимый двигатель прогресса, в действительности… растрачивает силы и рассеивает творческое внимание человека… Сколько ума и изобретательности, пригодных для лучшего дела, тратится на спекуляции и биржевые проделки!» И эта рекомендация Богданова не была учтена. Более того, был насильственно внедрен в общественное сознание противоположный тезис — о великом благе личной инициативы, частной собственности. А ведь вся сложность оптимальной организации общества заключается прежде всего в том, чтобы согласовать личные, корпоративные, классовые и общегосударственные, общенародные интересы. Может показаться странным, что Богданов не был услышан и понят в родной стране. Между прочим, он имел возможность в конце 1917 года занять крупный пост в Наркомате просвещения. Он ответил резким отказом: «Вся система государственного капитализма есть не что иное, как ублюдок капитализма и потребительского военного коммунизма — чего не понимают нынешние экономисты, не имеющие понятия об организационном анализе». Увы, то же можно сказать и о современных наших экономистах. Чем сильней становились большевики, чем тесней сплачивались в полувоенную организацию, чем твердокаменней делались их идейные позиции,

тем серьезней расходился с ними во взглядах Богданов. Партийная дисциплина не может помочь в поисках истины, считал он. В первую мировую войну пошел служить полковым врачом, отвергал курс на поражение России и превращение империалистической войны в гражданскую. Он полагал, что пролетариату не следует стремиться к скорейшему захвату власти. Прежде требуется повысить свой культурный уровень, овладеть знаниями. Надо сначала стать достойным власти, а уж потом ее добиваться. Ни в какую мировую революцию Ленина Троцкого Богданов не верил. Когда его книга «Эмпириомонизм» попала в руки Ленина, тот возмущенно написал: «Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, не марксистским». Позже на идеи Богданова обрушились официальные идеологи, прежде всего А. М. Деборин и его группа, «Страшные и зловещие пророчества Богданова звучат поистине чудовищной ложью на фоне непрерывно развивающегося социалистического строительства в пролетарском государстве», — писал И. Ванштейн. «Богдановщина» стала понятием нарицательным, ее не переставали обличать Троцкий и Бухарин. Могут возразить: но ведь СССР действительно добился замечательных успехов, в социально-экономическом отношении развиваясь «не по Богданову». Не опровергла ли практика его теоретические построения? Согласно богдановским воззрениям, «казарменный коммунизм», или «казарменный социализм», устойчив в экстремальных ситуациях, когда от общества требуется напряжение всех сил. А СССР до середины нашего века находился, по существу, на военном положении, имея в избытке как могущественных внешних врагов, так и внутренних оппозиционеров. После же войны на закате своих дней И. В. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» дважды — и без ругани! — вспомнил о «Всеобщей организационной науке» Богданова. Судя по всему, он использовал в своих интересах богдановские экономические и организационные идеи. В частности, Сталин убедительно доказывал, что закон конкуренции и рынка не является основополагающим для капитализма, равно как принцип плановости народного хозяйства — для социализма. И это было не гениальным прозрением вождя, а результатом его знакомства еще в молодости с «Кратким курсом экономической науки». В этой работе А. Богданов провозглашал основой общественного хозяйства коллективное производство, связывающее в едином процессе как работников интеллектуального и физического труда, так и разные поколения. Но вместе с тем в «Кратком

курсе…» содержалось утверждение, чуждое всем вождям и правителям: политическая экономия есть этика экономической жизни. То есть там, где нет честного труда, справедливого распределения общественных богатств, ни о какой объективной, научно обоснованной экономике говорить не приходится.

У ИСТОКОВ ДВУХ НАУК

Богданов при жизни был наиболее популярен как писатель-фантаст. Его роман «Красная звезда», впервые опубликованный в 1908 году, выдержал множество изданий, был с восторгом принят «прогрессивной молодежью» и удостоился лестного отзыва М. Горького: «Вещь умная». Действительно, произведение изобилует научными предвидениями: тут и космические корабли с атомными двигателями (!), и автоматизация умственного труда, и стереокино, и обилие искусственных материалов. Следующий роман — «Инженер Мэнни» — появился в 1912 году. В нем проводится верная мысль о необходимости общественного контроля над деятельностью технократов, ученых, экспертов. Казалось бы, что это за блажь для серьезного мыслителя — романы сочинять? Но у Богданова фантастика проторяла путь к будущим научным открытиям. Мысленно переносясь в прошлое, он прослеживал развитие научно-технических идей, чтобы затем разрабатывать их. Наивысшим теоретическим достижением Александра Александровича стала его «Всеобщая организационная наука (тектология)», в которой он ввел понятие научнотехнической революции. По знаменательному совпадению третий ее том вышел в переломный для нашей страны 1917 год. До этого ученые и большинство философов строили картину мира исходя из двух составляющих: энергии и вещества. Богданов доказывал: в мире есть еще некая нематериальная сущность. Он назвал ее «организованностью». «Как ни различны элементы вселенной, — писал Богданов, — электроны, атомы, вещи, люди, идеи, планеты, звезды — и как ни различны по внешности их комбинации, но можно установить небольшое число методов, по которым эти какие угодно элементы соединяются между собою, как в стихийном процессе природы, так и в человеческой деятельности». Нетрудно заметить, что вокруг нас и в нас самих господствует не хаос, а порядок. Все элементы природы связаны между собой, образуют простые и сложные тела. В биосфере своеобразно организованы воздушная, каменная и водная оболочки планеты, слои горных пород, минеральные комплексы, экосистемы живых существ. Человек, используя природные материалы, создает технику, дома, предметы быта. На это тратится энергия. Но, кроме нее, необходимо еще то, что мы называем знанием, умением, мастерством, а в самой общей и привычной формулировке — информацией. При одинаковых затратах энергии и материалов можно создать или гениальную скульптуру, картину, конструкцию, или никчемное изделие,

место которому на свалке. Одни и те же элементы при определенных условиях образуют сложнейшую биологическую молекулу, а могут остаться в виде разлагающегося мертвого тела или рассеянных компонентов. Разница колоссальная, и зависит она от степени организованности систем. Богданов постарался выстроить разрозненные факты в стройную научную систему знаний, которую назвал тектологией (от греческого «тектос» строение, структура). В самом общем виде организованность — это свойство целого быть больше суммы его частей. Но в чем это проявляется, по каким законам создается? Богданов обосновал такие ныне общепринятые понятия, как обратная связь (бирегуляция — по его терминологии), подвижное равновесие, уровни организованности, создал теорию моделирования, разработал основные схемы взаимодействия элементов сложных систем. Теоретические изыскания А. А. Богданова заложили основы двух современных областей знаний: кибернетики и общей теории систем, а также отчасти информатики, Казалось бы, имя замечательного русского мыслителя должно быть прославлено наряду с величайшими учеными и философами XX века. Однако до сих пор основоположником кибернетики продолжают называть Н. Винера, а общей теории систем — Л. Берталанфи…

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

В нашей стране термин «богдановщина» с тяжелой руки деборинцев стал сугубо ругательным. По этой причине на его труды не осмеливались ссылаться даже честные исследователи. Например, В. И. Вернадский в 20-е годы стал писать об «организованности биосферы», не ссылаясь при этом на Богданова. Его можно понять: деборинцы и так обвиняли Вернадского в идеализме и антимарксизме. Казалось бы, все ясно: апологеты марксизма-ленинизма подбили на взлете замечательные идеи русского мыслителя и обрекли страну на отставание в кибернетике, информатике, общей теории систем. Принципиальные противники коммунистической идеологии Н. Винер и Л. Берталанфи не упомянули в числе своих предшественников А. А. Богданова и сделали все, чтобы выпятить свой приоритет и предать забвению «организационную науку» Богданова. В действительности все обстоит не так просто. Говорить всерьез о нашем отставании в технической кибернетике не приходится. Без нее наша страна не смогла бы создать управляемые ракеты и запустить искусственные спутники Земли. Иное дело — теоретическая кибернетика в ее приложениях к организации науки и общества, управлению научно-техническим прогрессом. В этих областях не только отечественная, но и мировая наука понесла значительный урон из-за долгого замалчивания достижений Богданова. На первый взгляд такое утверждение может показаться преувеличением. Велика ль беда, что сугубо теоретическая, умозрительная наука не получила своевременного развития, а некоторые разделы ее оказались забытыми? Однако следует помнить: научный приоритет — дело не только личное, но и национальное, государственное. Интеллектуальный престиж страны сказывается на международных отношениях, демонстрирует ее потенциальные возможности. А это, безусловно, отражается и на том месте, которое занимает она на мировой арене. Не случайно Винер и Берталанфи были озабочены утверждением и личного приоритета в новых информационных дисциплинах, и приоритета своих стран, «капиталистической науки» в острой конкуренции с советской наукой. Быть может, кому-то теперь покажутся нелепыми, надуманными подобные противопоставления: мол, наука интернациональна, истина вне политики и т. п. Но реальная ситуация была и остается иной. И если в СССР кампания

против «низкопоклонства перед Западом» проводилась явно и гласно, то в буржуазных странах сторонников социалистических идей советского толка задавливали и замалчивали исподволь, тайно. А ведь Богданов до конца своих дней оставался закоренелым коллективистом, коммунистом не по партийной принадлежности, а по убеждению и образу жизни. Вот и получилось, что он оказался неугоден как советским, так и буржуазным идеологам.